

Владимир Валентинович ЮРИНОВ

родился 12 мая 1963 года в г. Киеве.

Окончил Черниговское ВВАУЛ в 1984 г.

Проходил службу на Дальнем Востоке (Орловка),

в ЗГВ (Германия, Дамгартен),

с 1994 г. — в г. Андреаполе,

с 2004 г. в г. Курске, где закончил служить в 2005 г.

Летчик-истребитель, военный летчик 1-го класса.

Автор пяти поэтических сборников

и двух книг прозы.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Владимир
ЮРИНОВ**

*г. Андреаполь
Тверской области*

«Уже от лета подустали травы...»

ПОГРАНИЧЬЕ

Уже от лета подустали травы,
уже прохлады больше, чем тепла,
и в камышовой шерстяной оправе
дымится чернь озёрного стекла.

С плащей берёз слетающие искры
вдруг подожгли соседский бересклет;
их шумный строй за вольнодумство мыслей
приговорён к срыванию эполет.

И бравый жёлудь, глянцево-зелёный,
лежит, упав практически с небес,
своим законным правом наделённый —
не знать свиньи, что завтра его съест.

И дым горчит почище самосада,
то жгут ботву пока, но не листву,
и можно слышать, встав под своды сада,
плодов библейских полновесный стук.

И дуре-смерти не попав под траки,
вольно в чертоги осени вступать,
стогов пузатых межевые знаки
увидеть, подойти и миновать.

И только-то всего, что остаётся —
под верстовым столбом сгрузив весь хлам
и подмигнув негреющему солнцу,
шагать жнивьём к белёсым небесам...

* * *

Хрустели лужи, серебрились
в листве асфальтовые дыры,
на белом фоне тени длились,
и было солнечно и дымно,
и пахло горько и тревожно,
а синева была промыта,
и груда ранцев на дорожке
была заброшена, забыта.
Ребрились тени и качались,
рисунок непонятный ткали,
дымы, проворные вначале,
по парку вяло растекались,
слоились, плавали, внушая
вещественность структуры света,
и с шумом, хохотом, шуршаньем
ватага поджигала лето...

С трудом скрывая злую зависть,
топча серебряное стремя,
зима белёсыми глазами
поверх домов на них смотрела...

* * *

Мы, выпрямив спину, зовём себя Номо.
 Особенность вида — нас тянет из дома.
 Поскольку даны нам с рождения ноги —
 постольку зовут нас и манят дороги.
 Они — то в асфальте, то — в пенной стремнине,
 то тонут в голодной болотной трясине,
 то горной тропею крадутся по краю, —
 дороги, которые мы выбираем.
 Но вот — перекрёсток. Здесь торг неуместен.
 Кто крест выбирает, а кто — перекрестье.
 Кто гонит в пороги, кто копит пороки,
 по тьме и по свету ведут нас дороги.
 По тьме и по свету, то чаще, то реже,
 кто — чёрен, как ворон, а кто — белоснежен,
 а кто — просто сер, ведь и серой бывает
 дорога, которую мы выбираем.
 А где-то, по звёздной росе серебристой —
 тугой ипподромной раскатистой рысью —
 свой бег выверяя механикой строгой,
 наш шарик несётся своею дорогой.
 И мы у него на заливке трясемся
 вдоль млечной реки, за поджаристым солнцем,
 смеёмся и плачем, и слёзы стираем,
 и строим дороги, и их выбираем.

* * *

Закат вступает рiано и затакт —
 со слабой доли, тонкими мазками.
 Подтаявшая за день мерзлота
 слипается в уродливые камни.
 В бездушье обезлюдевшей глуши
 блуждает эхо, тычась в подворотни.
 Слепой вороной, перья распушив,
 взлетает тьма — испить закатной крови.
 Сникает день, стекая мимо тем.
 И ночь тиха стихами...
 И дорога...
 И город спит во тьме и немоте,
 отгородившись крышами от Бога...

* * *

Жёлтый лиственный шёпот
 душу шёлково лечит.
 Не случаются что-то
 неслучайные встречи.
 Умножаются «если»,
 вычитаются мысли,
 не слагаются песни —
 слагаются числа.
 Всё слабей над рекой
 круговерть листовая.
 В ожиданье покоя
 река остывает.
 Сруб, когда-то янтарный,
 посерел, посуровел,
 и — морщинами — тайны
 по шиферной кровле.
 Только в доме, как прежде,
 непреклоннее даже:
 оркестровка пусть реже,
 но мелодия — та же.
 Тихий потреск каминный,
 пар над чашечкой кофе
 и над полками — чинно —
 корешки философий...
 И пускай над рекой
 кружат выюжные феи —
 короб дров под рукой,
 вдоволь зёрен кофейных...
 Вычитаются встречи,
 не случаются мысли,
 обозначились резче
 последние листья,
 обагрилась рябина,
 град шарашит по грядкам.
 Но покуда в камине
 есть огонь — всё в порядке.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Чёрный лес на белом снегу,
 фиолетово-серо над ним —
 вот пейзаж, который могу
 завершить движеньем одним:
 тонкой кисточкою, слегка,
 лишь одну добавлю деталь —
 точку странника, по снегам
 уходящего вдаль...

вдаль...